

Позитивизмъ Конта.

(Окончаніе.)

Соціологіческій законъ трехъ состояній. Открытие Контомъ закона трехъ состояній *) превозносится его послѣдователями еще больше, чѣмъ классифікація наукъ. Этотъ законъ, по мнѣнію Конта, приводить къ пониманію всѣхъ человѣческихъ знаній, какъ однородныхъ, а потому и допускающихъ приложеніе ко всѣмъ одного и того же положительного метода**). Законъ этотъ состоитъ, по Конту,

*) Если этотъ законъ есть открытие, то во всякомъ случаѣ не Конта, ибо былъ высказанъ гораздо ранѣе, во первыхъ Тюрго, а во вторыхъ, и при томъ почти въ той же формѣ, какъ и Контомъ, докторомъ Бурденомъ (Burdin). Объ этомъ неизвѣстномъ мыслителѣ мы знаемъ черезъ Сенъ-Симона, который воспроизвелъ и многія другія идеи Бурдена и черезъ котораго познакомился съ ними и Конть, когда находился подъ несомнѣннымъ, хотя потомъ не совсѣмъ добросовѣтно отрицаемъ, вліяніемъ С. Симона. Что въ этомъ мнимомъ открытии Конта нѣтъ ничего оригинальнаго, въ томъ можно убѣдиться изъ статей Ренувье, помѣщенныхъ въ его журналѣ «Critique Philosophique» 1881 года.

**) Чтобы признать однородность знаній человѣческихъ, вовсе нѣтъ надобности въ открытомъ Контомъ законѣ съ его тремя стадіями. Знаніе однородно по той простой причинѣ, что человѣкъ есть единое нераздѣльное существо, у котораго всегда, на всѣхъ ступеняхъ его развитія, есть только одна и подлежащая однимъ законамъ познавательная дѣятельность. Мнѣніе же о будто бы разнородныхъ познавательныхъ дѣятельностяхъ (чувственное, умственное, опытное, умозрительное познаніе, индуція, дедукція, анализъ, синтезъ и проч. и проч.) или сводится къ частнымъ отличіямъ въ проявленіяхъ этой однородной дѣятельности соотвѣтственно различію сопровождающихъ ее обстоятельствъ, или же къ недоразумѣніямъ, говорить о которыхъ здѣсь, къ сожалѣнію, нѣтъ места и времени.

въ томъ, что умъ человѣческій проходитъ *три* стадіи развитія: «теологическую или фиктивную», «метафизическую или абстрактную» и «положительную или научную». Не имѣя понятія о *неизмѣнной* законообразности явлений природы, люди въ теологической стадіи объясняютъ себѣ происхожденіе ихъ такъ же, какъ ихъ собственныя дѣйствія происходятъ отъ ихъ воли—и наполняютъ всю природу сверхъестественными дѣятелями или богами. Во второй, метафизической или переходной, стадіи сверхъестественные дѣятели замѣняются отвлечеными силами, сущностями (*entités*). Наконецъ, въ третьей, положительной стадіи умъ человѣческій ставитъ себѣ единственную цѣлью открытіе законовъ явлений, т. е. ихъ неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и сходства.

Этотъ мнимый законъ *несостоятеленъ* во всѣхъ отношеніяхъ: и въ томъ, что Конть не имѣетъ и не даетъ яснаго и определенного понятія ни о религіи, ни о метафизикѣ, ни, какъ мы уже видѣли, о наукѣ; и въ томъ, что этотъ законъ нисколько не подверждается историческими фактами, а напротивъ противорѣчитъ имъ. Имѣя поверхностное знакомство съ исторіей религій и не подозрѣвая о существованіи дисциплины, называемой философіей религіи, Конть односторонне и наивно понимаетъ религію, какъ *суррогатъ* науки, за отсутствіемъ которой люди въ волѣ боговъ ищутъ объясненія для происхожденія явлений. Конечно, люди ищутъ въ богахъ объясненія *никоторыхъ* явлений, но ведь это только одна изъ сторонъ религіи! Конть упускаетъ изъ виду, что въ религіозномъ сознаніи выражается *синтезъ всѣхъ функций* нашей душевной жизни: кроме философско-познавательной, отмѣченной Контомъ, въ религіи находятъ свое выраженіе и удовлетвореніе и нравственная, и чувствовательная, и желательная, и, наконецъ, художественно-техническая сторона человѣческой дѣятельности. Точно также мало знакомъ Конть и съ исторіей метафизики, а потому имѣть о ней смутное понятіе. Прежде всего метафизика не можетъ *ни замѣнять* религіи, *ни служить* переходною стадіей отъ

нея къ наукѣ, ибо во всякой религіозной системѣ метафизика составляетъ необходимую составную часть ея. Въ основаніи миѳовъ самыхъ первобытныхъ религій мы уже встрѣчаемъ метафизической основныя понятія. Метафизика, по понятію своему, предшествуетъ и тому, что Конть называетъ теологіей, и тому, что онъ называетъ наукой. Часто повторяемое Контомъ положеніе, что будто бы въ метафизической стадіи развитія люди для объясненія явлений принимаютъ *пустыя сущности* (*entités*), ясно указываетъ, что онъ имѣеть въ виду только одну средневѣковую сколастику, гдѣ явлений не рѣдко объяснялись просто словами или *тайными свойствами* (*qualitates occultae*), въ родѣ того, что въ природѣ господствуетъ *horror vacui* (страхъ къ пустотѣ). Произвольность понятія метафизики у Конта лучше всего явствуетъ изъ того, что онъ и въ допускаемыхъ имъ положительныхъ наукахъ, по вѣрному выраженію Гекслея, подъ именемъ метафизики отвергалъ „все, что ему не нравится“*).

Теперь я добавлю нѣсколько словъ къ сказанному мною раньше о неудовлетворительности понятій Конта о наукѣ. Хотя онъ съ науками былъ знакомъ гораздо болѣе, чѣмъ съ различными формами религіи и метафизики, но все таки безъ философіи (т. е. теоріи познанія, логики, метафизики, и проч.) онъ не могъ подняться на такую высшую точку зрењія, въ перспективѣ которой передъ его умственнымъ взоромъ исчезла бы *раздѣльность* исторически сложившихся наукъ и замѣнилась бы высшимъ философскимъ понятіемъ *истинного знанія*. Едва ли можно сомнѣваться, что Конть при словѣ: «наука», не думалъ о *единствѣ* человѣческаго мышленія, озаряющаго свѣтомъ разумнаго пониманія всѣ акты и дѣя-

*) Такъ въ качествѣ метафизики имъ отвергались вопросы о звѣздной системѣ, туманныхъ пятнахъ (въ астрономіи), гипотеза эфира и изслѣдованіе сущности теплоты (въ физикѣ), теорія атомизма (въ химіи), искусственная экспериментація и микроскопическая изслѣдованія (въ физіологии). Если бы онъ жилъ въ настоящее время, то, конечно, отвергъ бы, какъ метафизику, и спекуляціи математиковъ о пространствѣ кривомъ и 4-хъ измѣреній, и спектральный анализъ, и механическую теорію теплоты, и теорію сохраненія и превращенія энергіи и т. под.

тельности какъ людей, такъ и другихъ существъ міра; но что скорѣе всего, при этомъ словѣ, въ его представлениіи мелькали *мноїя* группы ученыхъ специалистовъ, которые, на подобіе древнихъ жрецовъ или средневѣковыхъ техниковъ и ремесленниковъ, принимаютъ по традиціи другъ отъ друга и сохраняютъ испытанные пріемы своего искусства или ремесла для однообразнаго приложенія ихъ въ своихъ произведеніяхъ и дѣйствіяхъ на пользу и отдѣльнымъ людямъ, и обществу. Это жреческо-ремесленно-практическое, «полезное» и свободное отъ всѣхъ «праздныхъ вопросовъ» отношеніе Конта къ наукѣ всего лучше выразилось въ повтореніи имъ положенія, признаннаго «всѣми, начиная съ Бекона, здраво мыслящими умами (*les bons esprits*)», что цѣль знанія есть предвидѣніе. «Знать», говоритъ Конть, «нужно для предвидѣнія»; или «знаніе ведеть къ предвидѣнію, а предвидѣніе къ дѣйствію», конечно, дѣйствію «реальному», «полезному» и оправдываемому «общимъ здравымъ смысломъ» (*sens commun*). Такъ какъ этой цѣли всего болѣе удовлетворяютъ математика и естественные науки, то онѣ и стали для Конта нормою, къ которой должно быть приведено всяческое знаніе. Въ своемъ наивно-догматическомъ реализмѣ Конть объясняетъ преимущество естественныхъ наукъ въ дѣлѣ предвидѣнія тѣмъ, что сами данныя въ чувственномъ опыте явленія, изучаемыя этими науками, освобождаютъ умъ человѣческій отъ теологии и метафизики и приводятъ къ позитивному изслѣдованію неизмѣнныхъ законовъ, которымъ подчиняются явленія. Но здѣсь-то и заблуждаются Конть съ позитivistами, ибо математика и естественные науки, по самой своей природѣ, всего скорѣе ведутъ къ метафизикѣ, такъ что ученые, занимающіеся ими, не смотря на ихъ принципіальный протестъ противъ метафизики, всего чаще, подобно Конту, не подозрѣвая о томъ, впадаютъ въ самую грубую ея форму, а именно материализмъ *). Какъ это средство есте-

*.) Не менѣе заблуждается Конть также и въ томъ, что будто бы предвидѣніе составляетъ цѣль знанія только со времени Бекона, когда естествен-

ственныхъ наукъ съ материализмомъ, такъ и способность ихъ содержанія быть формулированнымъ въ постоянныхъ законахъ имѣть одинъ и тотъ же источникъ въ основныхъ понятіяхъ естествовѣдѣнія: *пространство, времени, движении и матеріи*, въ которыхъ выражается вовсе не природа явленій, изучаемыхъ естествовѣдѣніемъ, а главнымъ образомъ природа нашей же собственной психической дѣятельности при нашемъ метафизическомъ взаимодѣйствіи съ другими субстанціями. Отсюда происходитъ какъ то, что законы естественныхъ наукъ выражаются почти въ столь же *неизменныхъ и однообразныхъ формулахъ*, что и законы логики или математики,— такъ и то, что ученые естествовѣды, пренебрегая философіей и не зная происхожденія вышеозначенныхъ основныхъ понятій, *субстанцируютъ* ихъ, т.-е. принимаютъ, что пространство, время, матерія и движение суть нѣчто само по себѣ существующее, что и составляетъ сущность материализма.

Теперь, указавъ на несостоятельность закона трехъ состояній со стороны логической, я, по недостатку мѣста, не могу останавливаться на противорѣчіи его со всею исторіей и ограничусь только самымъ коротенькимъ указаніемъ на настоящее время*). Несмотря на то, что прошло полвѣка послѣ провозглашенія Контомъ основныхъ началъ «положительной философіи» и что, по его предвидѣніямъ и предсказаніямъ,

ныя науки, становясь все позитивнѣе, начали изучать законы явленій. Дѣло въ томъ, что предвидѣніе и его приложеніе къ жизни составляютъ такое основное свойство дѣятельности всѣхъ существъ, что люди практикуютъ его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ задолго до появленія какихъ бы то ни было намековъ на систематическое знаніе, когда они находятся еще въ дикомъ, животномъ состояніи. Конечно, Конть, его послѣдователи и вообще позитивисты, столь самоувѣренно повторяющіе принципъ знаменитаго практическаго философа, Бекона, о власти человѣка надъ природою при посредствѣ науки и предвидѣнія, и не подозрѣваютъ, что возможность его связана съ самыми трудными метафизическими проблемами о времени, памяти, воспоминаніи, желаніи, ожиданіи и т. под.

*) Впрочемъ, читатели этого журнала изъ статей г. Чичерина могли вполнѣ убѣдиться въ томъ, что теоріи Кonta вообще и законъ трехъ состояній въ частности, не находятъ никакого историческаго подтвержденія.

уже не должно бы оставаться никакихъ слѣдовъ отъ теологической и метафизической стадій человѣческаго умствен-наго развитія, мы, напротивъ, видимъ, что въ современномъ европейскомъ обществѣ не только продолжаютъ свое существованіе прежнія религіозныя вѣроисповѣданія, но что чуть не съ каждымъ днемъ возникаютъ все новые ихъ толки и развѣтленія (особенно, наприм., въ Англіи, Америкѣ и проч.). Мы видимъ даже такое странное явленіе, что къ образованнымъ европейцамъ начинаютъ прививаться азіатскія религіозныя вѣрованія, наприм., буддизмъ. Точно также между образованными европейцами и американцами насчитываются уже миллионы послѣдователей спиритизма, который, несомнѣнно, должно причислить къ религіознымъ же сектамъ. Съ другой стороны, въ области философіи не только продолжаютъ, конечно нѣсколько видоизмѣняясь, существовать прежнія метафизическія направленія, но возникаютъ и новые, наприм., философія воли, начиная съ Шопенгауэра. Но всего болѣе овладѣваетъ умами въ европейскомъ обществѣ материализмъ по мѣрѣ того, какъ популярные естественно-научныя свѣдѣнія распространяются въ народныхъ массахъ, постепенно переходя отъ высшихъ слоевъ общества въ низшіе *).

Хотя законъ трехъ состояній изложенъ кратко Контомъ въ самомъ началѣ «Курса», еще передъ классификацией наукъ, но тѣмъ не менѣе онъ вовсе не составляетъ, подобно ей, пункта, принадлежащаго къ «общностямъ», а напротивъ, по своему содержанію, всецѣло относится къ одной изъ частныхъ наукъ, а именно къ послѣдней въ іерархическомъ ря-

*) Этому постепенному распространенію материализма еще могутъ оказывать большее или меньшее противодѣйствіе религіозныя вѣрованія или философско-метафизическія воззрѣнія, но почти ни малѣйшаго не можетъ оказывать позитивизмъ, хотя онъ и отвергаетъ, конечно только на словахъ и чрезвычайно рѣдко на дѣлѣ, всякую метафизику, ибо чѣмъ строже позитивизмъ или—что все равно—чѣмъ онъ скептичнѣе, тѣмъ менѣе можетъ онъ, въ силу естественной необходимости для человѣческаго ума въ метафизикѣ, удовлетворять многихъ людей, а потому и долженъ ограничиться только единичными послѣдователями.

ду, къ соціології, что подтверждается и тѣмъ, что въ «Курсѣ» обстоятельное изложеніе и доказательство его входитъ въ содержаніе этой науки. Такъ какъ вообще соціология составляетъ специфически отличительную черту позитивизма Конта и считается его послѣдователями *его* со-зданіемъ, то я и считаю нужнымъ сдѣлать общую, хотя и краткую, ея характеристику. Но прежде я скажу два слова объ остальныхъ наукахъ, предшествующихъ въ «Курсѣ»—соціологии.

Съ точки зрењня каждой, настоящей философской системы частныя науки должны быть рассматриваемы какъ болѣе *отдаленныя вѣтви* ея развитія, привязанныя къ главному стволу высшими понятіями, которыя, съ одной стороны, входятъ въ систему понятія философіи, какъ специальной науки, а съ другой—составляютъ базисъ, на которомъ строится все содержаніе той или другой частной науки. Но такъ какъ «Положительную философію» Конта нельзя считать философскою системой въ точномъ смыслѣ этого слова, то и частныя науки, входящія въ нее, вовсе не имѣютъ органической связи между собой и представляютъ только виѣшнимъ и искусственнымъ образомъ соединенную *энциклопедію наукъ*, эмпирически вошедшихъ въ общественную культуру. Значитъ «Курсъ» Конта, при его первомъ появленіи, могъ имѣть только значеніе первой попытки такой энциклопедіи во французской научной литературѣ. Изъ ряда наукъ, входившихъ въ эту энциклопедію, Контомъ лучше другихъ была обработана математика, составлявшая предметъ его специальныхъ занятій, хотя и въ ней мы уже встрѣчаемся съ весьма сомнительными воззрѣніями. Къ такимъ, напримѣръ, относится мнѣніе Конта, что будто бы геометрія есть конкретная наука, принадлежащая вмѣстѣ съ другими къ области естественныхъ наукъ, и что будто бы основныя и существенныя ея положенія основаны на чувственномъ наблюденіи. Что же касается остальныхъ наукъ, т.-е. астрономіи, физики, химіи и фізіологии (біологіи), то на нихъ еще гораздо болѣе отразились ложныя и одностороннія понятія

Конта о метафизикѣ и наукѣ, его прямолинейное отрицаніе первой и односторонне утилитарное отношеніе ко второй, и не позволяли ему понять духъ наукъ о природѣ и предвидѣть соотвѣтствующій ему характеръ ихъ дальнѣйшаго движенія. Какъ оказалось, они какъ разъ пошли по запрещаемому Контомъ пути изслѣдованія причинъ *) и образа происхожденія явлений. Такъ, начиная съ математической теоріи вѣроятности, которую Конть считалъ «ложною, нелѣпою и софистическою, ни къ чему, кроме азартной игры, неприложимой», мы видимъ, что въ настоящее время теорія вѣроятности признана всѣми и находить самое разнообразное приложеніе къ многоразличнымъ вопросамъ и, между прочимъ, относящимся къ сферѣ общественныхъ явлений. Въ области астрономіи и небесной механики Конть ограничивалъ задачу науки изученіемъ образования планетной системы, не затрагивая вопросовъ о природѣ солнца, а тѣмъ болѣе неподвижныхъ звѣздъ, а между тѣмъ спектральный анализъ какъ разъ даетъ возможность разрѣшать проблемы о химическихъ элементахъ солнца и звѣздъ **). Въ физикѣ онъ отвергъ гипотезу эїира для объясненія происхожденія свѣта, потому что ее нельзя провѣрить и по-

*) Хотя мнѣніе Конта, что изслѣдованіе причинъ должно быть изгнано изъ науки и замѣнено изслѣдованіемъ законовъ явлений, прямолинейно и несостоительно, однако онъ въ немъ былъ гораздо послѣдовательнѣе и относительно правѣе другихъ позитивистовъ, признающихъ законность изслѣдованія причинъ. Онъ чувствовалъ, что если допустить хотя бы только вторичныя причины и позитивистски признавать причинами явлений явленія же предшествующія, то, пожалуй, законы разума невольно приведутъ къ вопросу и о первыхъ явленіяхъ, т.-е о первыхъ причинахъ и о субстанціяхъ, ихъ дѣятельностяхъ и актахъ. Поэтому, въ своемъ прямолинейномъ стремлѣніи освободить науку отъ «химерическихъ» вопросовъ и «привести ее къ скромнымъ аллюрамъ обиходной мудрости» онъ энергически и заколотилъ окно причинности, изъ которого можно увлечься «метафизическими химерами» (см. объ этомъ «Свое Слово» № 3, стр. 78 и слѣд.).

**) Да не подумаетъ кто-либо изъ читателей, что я сейчасъ сказаннымъ хочу поставить въ вину Конту то, что онъ не зналъ и не могъ предвидѣть спектроскопіи. Я обвиняю его только въ непониманіи духа естествовѣдѣнія и въ его догматической и произвольной постановкѣ многочисленныхъ заставъ и предѣловъ для движенія науки.

тому что вообще нельзя знать какъ происходятъ явленія, а также считалъ невозможнымъ «проникнуть во внутреннюю природу теплоты»; а между тѣмъ современная физика считаетъ однимъ изъ своихъ торжествъ объясненіе происхождения теплоты изъ движенія и установку тепловыхъ и механическихъ эквивалентовъ. Хотя, по Конту, законы наукъ низшихъ въ іерархическомъ ряду и подчинены законамъ наукъ высшихъ, но все-таки онъ считалъ невозможнымъ привести какъ законы всѣхъ наукъ къ одному закону, такъ и свести одни къ другимъ различные явленія, изучаемыя различными науками (физическія, химическія, біологическія и проч.), а между тѣмъ современное естествоヴѣдѣніе видить свой идеаль въ такомъ приведеніи всѣхъ явленій и законовъ къ механическимъ явленіямъ и законамъ. Въ біологии Конть считалъ «природу физіологическихъ явленій несовмѣстимою съ искусственными опытами», а потому отрицалъ и вивисекцію, и микроскопію; а между тѣмъ онѣ играютъ самую важную роль въ современной наукѣ. Точно также теорію Ламарка о видоизмѣненіи организмовъ Конть упрекалъ «въ наивномъ фантазированіи», и думалъ, что промежутки между видами представляютъ ненаполнимую пропасть и что еще большею пропастью раздѣлены царства: животное и растительное; наконецъ, по его мнѣнію, порядокъ животныхъ должно понимать не иначе какъ линейнымъ. Между тѣмъ современная біология въ учениіи Дарвина понимаетъ происхожденіе животныхъ организмовъ въ формѣ безконечно развѣтленного древа и старается заполнить всяческие промежутки не только между животными, но и между животными и растеніями. Я думаю, этихъ примѣровъ и намековъ совершенно достаточно для заключенія, что еслибы даже и допустить, что энциклопедія наукъ Конта, при своемъ появленіи, соотвѣтствовала дѣйствительному состоянію соединенныхъ въ ней наукъ, то въ настоящее время она никакого руководящаго научнаго значенія не имѣетъ*).

*) Отнимая у сочиненій Конта истинно-философское значеніе и упрекая его въ ложномъ взглядѣ на задачу знанія, я вовсе не хочу сказать, чтобъ

Соціологія, какъ наука установленная Контомъ. Позитивная религія. Соціологія у Конта изслѣдуєтъ законы общественного порядка и движениія. Заимствуя свои исходные пункты изъ біологии, она образуетъ свое основное понятие: общество, или „общественный организмъ“, по аналогіи съ животнымъ организмомъ и распадается на соціальную статику и динамику, которые также относятся другъ къ другу, какъ анатомія къ физіологии. Законы соціальной статики управляютъ „взаимодѣйствиемъ частей соціальной системы“, которые находятся въ такомъ же „необходимомъ и всеобщемъ согласіи“, въ какомъ находятся элементы животнаго организма. Это согласіе общественныхъ элементовъ, т.-е. индивидуальныхъ воль, составляетъ условіе для общественной власти, которой они подчиняются тѣмъ болѣе, чѣмъ обширнѣе общество. Согласіе индивидуумовъ, входящихъ въ общество, зависитъ отъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, а именно *эгоистическихъ* и *соціальныхъ* (альtruистическихъ) инстинктовъ человѣка (состраданіе, любовь и проч.). Первоначальная общественная форма, въ которой обнаруживаются эти оба инстинкта, есть семья, составляющая зародышъ для всѣхъ другихъ общественныхъ формъ. Вторая часть соціологіи, или соціальная динамика изслѣдуєтъ законы постепенного развитія общественной жизни человѣчества. Развитіе это «представляетъ непрерывный прогрессъ», выражающійся въ возрастаніи побѣды человѣка надъ вѣшнимъ міромъ, въ *смягченіи* нравовъ и въ

они вообще не имѣли цѣліи. Не нужно забывать, что Конть былъ человѣкъ въ высокой степени выдающійся по своимъ умственнымъ силамъ, моральной энергіи и по своему, во всякомъ случаѣ, широкому научному образованію; а потому его энциклопедія наукъ, неудовлетворительная въ цѣломъ, заключаетъ въ себѣ замѣчательныя отдѣльныя мысли и положенія. Во всякомъ случаѣ, изученіе его сочиненій можетъ послужить къ расширенію умственного горизонта даже (точнѣе сказать, преимущественно) для людей уже владѣющихъ готовымъ философскимъ міровоззрѣніемъ. Кстати скажу, что читать подлинныя сочиненія Конта крайне тяжело по ихъ невыработанности. Но въ настоящее время они могутъ быть замѣнены хорошимъ сокращеннымъ ихъ изложеніемъ въ трудахъ Jules Rig'a и даже еще болѣе краткимъ, но точнымъ изложеніемъ въ вышеуказанномъ сочиненіи Грубера.

улучшениі общественной организаціи. Законы развитія, согласно духу положительной философіи, относительны, т.-е. не допускаютъ никакой конечной цѣли или провиденціального плана, а потому человѣчество въ каждую эпоху достигаетъ той ступени совершенства, которая допускается его *возрастомъ*, т.-е. «всею системою соотвѣтствующихъ ей внутреннихъ или внѣшнихъ обстоятельствъ». Законы прогресса опредѣляются *тремя* моментами: *направленіемъ* человѣческаго развитія, его *скоростью*, и *важностию* его различныхъ элементовъ. Направленіе обнаруживается въ томъ, что въ человѣчествѣ животная сторона, т.-е. страсти, уступаетъ расширяющейся на ихъ счетъ человѣческой, т.-е. разуму. Скорость прогресса зависитъ отъ «постоянного и притомъ достаточно скораго возобновленія агентовъ общественного движения», *) и отъ увеличенія народонаселенія. Что касается до разницы въ цѣнности различныхъ элементовъ прогресса, то первенство между ними принадлежитъ *умственному* развитію. Почти все содержаніе соціологіи Конта, занимающее три тома изъ шести, представляетъ не что иное, какъ подробное изложеніе историческихъ доказательствъ этого постоянного умственного развитія человѣчества черезъ три ступени: теологическую, метафизическую и позитивную. Объ руку съ умственнымъ развитіемъ идетъ и подчиненное ему материальное развитіе общества, проходящее также три стадіи. Теологической стадіи умственного развитія соотвѣтствуетъ въ материальномъ—господство классовъ, занимающихся военнымъ дѣломъ; метафизическому—господство литераторовъ, адвокатовъ и юристовъ, и позитивному—господство промышленныхъ классовъ.

Ограничиваюсь этимъ оставомъ соціологіи Конта и не касаясь подробностей ея исторической обосновки, отличающейся произволомъ въ образованіи, опредѣленіи и классификаціи понятій, а также ложнымъ освѣщеніемъ и толкованіемъ фактовъ, я скажу только нѣсколько словъ о про-

*) Контъ считаетъ «вредною химерою предположеніе о неопределенному возрастаніи продолжительности жизни человѣка».

іраммъ будущаю, которое, по предвидѣніямъ Конта, должно наступить послѣ того, какъ онъ въ своей философіи окончательно опозитивилъ все человѣческое знаніе, подчинивъ положительному методу и соціологію или науку объ обществѣ *). На мѣсто прежней теологической морали, основанной на волѣ бога, или метафизической, основанной на идеяхъ долга, права и справедливости, на сущности человѣка, міра и т. п., станетъ соціальная мораль, основанная на предвидѣніяхъ соціологіи и на постоянно возрастающемъ пониманіи *вилоды соединенія всѣхъ человѣческихъ силъ* для пріобрѣтенія благъ индивидуальной и общественной жизни. Самымъ важнымъ условиемъ для відворенія этой новой морали явится возникновеніе новой *духовной власти*, которая будетъ руководить умственнымъ и нравственнымъ просвѣщеніемъ человѣчества. Власть эта будетъ сосредоточена въ рукахъ корпораціи, состоящей изъ положительныхъ ученыхъ и философовъ, призванныхъ къ отправленію своихъ обязанностей общественнымъ мнѣніемъ. Самымъ важнымъ орудіемъ для дѣйствія этого новаго духовенства будетъ общественное воспитаніе, составляющее исключительную его функцию. Хотя позитивные ученые и философы сами и не будутъ имѣть государственной или свѣтской власти, но все таки ихъ совѣщательному голосу будетъ принадлежать решающее значеніе въ вопросахъ о мѣрахъ для общественного благосостоянія, такъ что вообще духовная власть будетъ преобладать надъ свѣтской. Свѣтская власть установится въ позитивномъ обществѣ позже духовной и будетъ находиться въ рукахъ дѣятельного класса, который состоить изъ банкировъ, купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ; между ними главную роль будутъ играть банкиры. Положеніе рабочихъ классовъ должно быть вполнѣ обеспечено воспи-

*) Строго говоря, соціологія Конта должна совмѣщать въ себѣ всѣ остальные науки, кроме естественныхъ, а именно: общественные, юридическая (напр. политическую экономію, науку о правѣ, о собственности, о государствѣ и проч.), историческая (включая туда и филологію, этнографію, археологію и проч., безъ которыхъ невозможна история) и т. п.

таниемъ на общественный счетъ и постоянно обезпеченною работою, при справедливой и достаточной заработной платѣ.

Теперь я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній, къ которымъ по-даетъ поводъ соціологія Конта. Прежде всего спрашивается, *дѣйствительно-ли онъ создалъ* эту науку, какъ утверждаютъ его послѣдователи? По моему, отвѣтъ на это приходится отрицательно, потому что въ ней предшественниками его были, напр., Тюрго и Кондорсе, вліянія котораго, впрочемъ, и самъ онъ не отрицаетъ. Но большая и даже особенно оригинальная часть содержанія соціологіи Конта заимствована была имъ, съ умолчаніемъ о томъ, у Сенъ-Симона и у Бюрдена, о которомъ я уже упоминалъ выше *). Конту исключительно принадлежитъ установка новаго термина (соціологія) для этой науки, что, конечно, должно составлять его заслугу въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые въ настоящее время, вмѣстѣ съ Контомъ (а таковыхъ не мало!), признаютъ возможность существованія науки о законахъ общественныхъ явленій, сходной, по своему методу, съ естественными науками, именно какъ ее, слѣдя за Сенъ-Симономъ, думалъ поставить Конть. Затѣмъ за Контомъ должно признать преимущество сравнительно съ сейчасъ указанными предшественниками въ томъ, что онъ систематичнѣе и методичнѣе изложилъ и обработалъ заимствованное у нихъ содержаніе соціологіи.

Второе мое замѣчаніе выразится въ вопросѣ: *возможна-ли соціологія* въ смыслѣ Конта, т.-е. при устраненіи метафизики, и возможно-ли ее совсѣмъ поставить на одну доску съ естественными науками? Я отвѣщаю на этотъ вопросъ отрицательно и объясняю требованія Конта, какъ уже было замѣчено раньше, отсутствиемъ у него ясныхъ понятій о явленіи, фактѣ, опытѣ, а также о духѣ науки вообще и есте-

*) Если позволять обстоятельства, то я предполагаю послѣ этого помѣстить въ этомъ же журналѣ особую статью, о соціалистической французской философіи (ея не было въ «Заграничномъ Вѣстнике»), гдѣ будутъ, конечно, изложены и главныя черты воззрѣній школы С. Симона. Тогда читатели ясно увидятъ, что соціальная философія Конта есть видоизмѣненіе Сенъ-Симонизма.

ствовъденія въ частности. Вѣдь явленія сами по себѣ не существуютъ и суть не что иное, какъ состоянія нашего же сознанія, выдѣляемыя нами изъ общей ихъ связи въ актахъ нашей познающей дѣятельности, которая координируетъ ихъ въ различныхъ порядкахъ (временномъ, пространственномъ, причинномъ и т. п.) и мыслить съ различныхъ точекъ зрењія. Вотъ эта то дѣятельность мышленія и ведетъ насъ неизбѣжно *) къ сознанію противоположности явленія (въ насъ) съ реальностью или дѣйствительностью (самой по себѣ), для которой явленіе служитъ только значкомъ, а это сознаніе въ свою очередь побуждаетъ насъ переходить отъ явленій, къ сущностямъ, субстанціямъ съ ихъ дѣятельностями. причинамъ явленій,—словомъ, къ метафизическимъ, отвергающимъ Контомъ, понятіямъ. На почвѣ естествовъденія этотъ переходъ отъ явленій къ ихъ причинамъ или къ субстанціямъ еще мало замѣтенъ, благодаря съ одной стороны непониманію природы пространства, времени, движения и матеріи, а съ другой тому, что въ явленіяхъ физико-механическихъ трудно различить отдѣльные акты какихъ-либо опредѣленныхъ субстанцій. Но какъ скоро мы вступаемъ въ область соціальныхъ явленій, которые, въ концѣ концовъ, суть не что иное, какъ акты человѣческаго мышленія, чувства, желанія и ощущенія (или движения), то уже здѣсь неизбѣженъ, хотя и не всегда сознаваемый, переходъ въ область метафизическихъ построений **).

Вслѣдствіе этого, законы науки объ обществѣ не могутъ

*) Я, конечно, не могу здѣсь входить въ подробности теоріи познанія и ограничиваюсь краткимъ выражениемъ ея общихъ положеній.

**) Параллельно съ переходомъ отъ явленій къ метафизикѣ (т.-е. философіи) знаніе все болѣе теряетъ чисто-практическій характеръ и перестаетъ служить толѣко средствомъ для предвидѣнія. Дѣятельность познанія становится сама цѣлью и даетъ, помимо возможной пользы, непосредственное высокое наслажденіе въ чувствѣ истины тѣмъ не многимъ людямъ, которые способны преодолѣть трудности изученія философіи. Всякое же знаніе, пріобрѣтаемое не само для себя, а только для какой нибудь внѣшней цѣли, всегда болѣе или менѣе сопряжено съ тяжелыми чувствами принужденія, скуки, нетерпѣнія и т. п.

быть законами явлений, а всегда суть выводы изъ метафизическихъ понятій и гипотезъ о субстанціяхъ и ихъ дѣятельностяхъ*). Если естествовѣдѣніе ведеть, главнымъ образомъ, къ материализму, то науки объ обществѣ открываютъ путь и къ другимъ формамъ метафизики (спиритуализму, идеализму, дуализму, плюрализму и проч.). Но такъ какъ метафизика вообще можетъ служить основаніемъ, на которомъ развиваются не только философскія системы, но и религіозныя, то всегда возможно, что законы науки объ обществѣ будутъ выводомъ изъ какой-либо религіозной системы (христіанской, языческой, монотеистической, политеистической, пантейстической, и проч., и проч.).

Разумѣется, и Конть не могъ, такъ сказать, выскочить изъ своей человѣческой природы и естественно долженъ былъ также идти отъ явлений къ метафизическімъ понятіямъ: субстанціямъ, ихъ дѣятельностямъ, причинамъ, цѣлямъ и проч. Но въ силу его позитивистическихъ предразсудковъ прямой путь умозрительного мышленія былъ ему отрѣзанъ, и онъ долженъ былъ выходить на него тишкомъ. наивно увѣряя и тѣмъ обманывая, прежде всего, себя, что онъ, какъ младенецъ, неповиненъ въ нарушеніи позитивистического катехизиса и заповѣдей; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ вся его энциклопедія наукъ и особенно соціологія есть сплошное нарушеніе этихъ заповѣдей. Всюду у него самое грубое несоответствіе и противорѣчіе между замысломъ и выполнениемъ, между объявленной программой или предначертаннымъ планомъ и самымъ дѣйствиемъ. По программѣ законы соціологіи должны быть основаны на

*) У философовъ-метафизиковъ наука, соответствующая позитивистической соціологіи, называется философией исторіи. Въ ней философы болѣе или менѣе сознательно дѣлаютъ выводы изъ основныхъ понятій того или другого философско-метафизического міросозерцанія въ приложеніи его къ исторіи человѣческихъ обществъ, предполагая при этомъ и стараясь доказать, что исторические факты подтверждаютъ эти основные понятія той или другой философской системы. Конечно, такое предположеніе оказывается на столько вѣрнымъ, на сколько истинна сама философская система и на столько ошибочнымъ, на сколько ошибочна система.

явленияхъ, данныхъ въ чувственномъ опыте, и относиться только къ явлениямъ; но тихомолкомъ Конть выводить законы или изъ полученныхъ по традиции метафизико-религиозныхъ понятий о природѣ человѣка, его свойствахъ и дѣйствіяхъ, или же изъ понятій, прямо вымыщленныхъ на основаніи фантазіи, метафорического языка, смѣшенія понятій и т. под. *). По принципамъ Конта, внутреннее самонаблюдение или такъ называемый внутренній опытъ невозможны; слѣдовательно, мысли, чувства, желанія не могутъ быть основаніемъ или какъ-либо входить въ научные законы и „реальная знанія“, а между тѣмъ, вся его соціология не имѣеть смысла безъ предположенія, что люди мыслятъ, чувствуютъ и желаютъ, и что ихъ дѣйствія, составляющія соціальные факты и явленія **), суть только резултаты этихъ внутреннихъ состояній, не доступныхъ наблюдению. Соціология, по программѣ Конта, должна быть основана на строгой *исторической методѣ*, а между тѣмъ, на дѣлѣ, исторические факты подвергаются искаженію, ложному толкованію, обобщаются въ неясныя понятія, безсодержательныя отвлеченности и просто даже пустыя слова въ родѣ тѣхъ *entités*, въ которыхъ самъ Конть упрекаетъ метафи-

*) Мне нѣтъ никакой возможности подробно развивать все сказанное, а потому я ограничиваюсь только краткими намеками и примѣрами. Напримеръ, съ незапамятныхъ временъ вошедшее въ обиходъ метафизико-миѳологическое представление, заключающееся въfigуральномъ выраженіи о борьбѣ страстей съ разумомъ (Ormuzdъ и Arimanъ и проч.), Конть подъ именемъ основныхъ инстинктовъ кладетъ въ основу общественной жизни, законовъ прогресса, и незамѣтно изъ понятій разума и страстей дѣлаетъ существа или особы силы, тогда какъ ни разумъ, ни страсти, сами по себѣ, не существуютъ, а суть только названія съ особой точки зрењія мыслей, чувствъ и дѣйствій человѣческихъ, координированныхъ другъ съ другомъ въ единстве реального дѣятеля, называемаго человѣческимъ существомъ или субстанціей.

**) Этотъ внутренній опытъ, по-моему, и есть главный и единственный источникъ того, что называется умозрѣніемъ и что Конть засуживаетъ подъ названіемъ метафизики. Если же, какъ то и слѣдовало бы, по-моему, устранить неправильное дѣленіе опыта на внѣшній и внутренній, признавая только одинъ послѣдній (конечно, присоединивши и ощущенія (или движенія) къ психической дѣятельности), то окажется, что никакого другого знанія, кроме умозрительного или метафизического, у человѣка нѣтъ и быть не можетъ.

зику *). Катехизисомъ Конта запрещается подъ страхомъ отлученія отъ научной церкви изслѣдованіе причинъ, цѣлей и способа происхожденія явлений; а между тѣмъ, въ соціальной динамикѣ торжественно провозглашенъ непреложный законъ постепенного и непрерывнаго общественнаго прогресса. По-моему, этотъ законъ никакимъ образомъ не можетъ быть продуктомъ наблюденія надъ фактами, а предполагаетъ умозрительные выводы и теоріи о постоянныхъ причинахъ всей серіи явлений или фактовъ, обнимаемыхъ понятіемъ совершенствованія или прогресса **). Но,

*) Вотъ нѣсколько примѣровъ. Почему думаетъ Конть, что значеніе юристовъ, адвокатовъ, литераторовъ и профессоровъ будто бы соответствуетъ метафизическому умственному состоянію Европы, начиная съ XV вѣка. Какъ будто юристы, судьи и адвокаты, не играли большой роли въ древнемъ греческомъ и римскомъ мірѣ (кстати, адвокаты-то въ огромномъ большинствѣ случаевъ всегда и вездѣ, въ Греціи и Римѣ, были позитивисты и софисты, а не метафизики). Да, вѣдь, литераторы и профессора играли также не малую роль у грековъ и римлянъ! Ну, а въ новое время, развѣ позитивные ученые и профессора также не литераторы? Наприм., де Местръ, котораго Конть считаетъ въ числѣ своихъ учителей, тоже, вѣдь, литераторъ и даже публицистъ. Почему также Конть протестантизмъ причисляетъ къ метафизическому фазису и считаетъ новѣйшимъ явлениемъ въ средѣ христіанства? По моему, Конть долженъ бы видѣть соответствие протестантизму въ первыхъ вѣкахъ христіанства. По соціологіи Конта въ средніе вѣка теологическому умственному состоянію должно соответствовать господство въ обществѣ „военного духа“, а между тѣмъ, развѣ мы не видимъ могущественныхъ обществъ, занимающихся специально торговлею и промышленностью, каковы, наприм., Ганзейскій союзъ на сѣверѣ и венеціанская и другія республики на югѣ Европы. Точно также произвольны, поверхностны и не соответствуютъ дѣйствительной исторіи понятія Конта о политеизмѣ, фетишизмѣ, монотеизмѣ. Въ понятіи послѣдняго онъ вовсе не беретъ въ соображеніе монотеизма еврейскаго, магометанскаго, не говоря уже о монотеизмѣ Индіи, наприм., въ системѣ Ведантъ. Точно также видимъ мы у него непониманіе средневѣкового общества, феодальной системы и проч. Наконецъ, такіе, ничего не говорящіе, термины, какъ „военный духъ, промышленный духъ“ можно смѣло поставить на ряду съ знаменитыми *qualitates occultae*.

**) Можетъ ли быть, въ самомъ дѣлѣ, наблюдалось что-либо непрерывное? Вѣдь, это все равно, что наблюдать безконечное! Не предполагаетъ ли постоянство какихъ-либо явлений (ибо что же такое законъ, какъ не формулировка этого постоянства?) постоянство причины или условій (у Конта часто подъ этимъ словомъ скрывается понятіе причины), при которыхъ происходятъ явленія? Но такъ какъ явленія происходятъ въ человѣкѣ, то не пред-

кромѣ того, это понятіе не только неизбѣжно предполагаетъ мысль о его причинѣ, но даже и о цѣли. Вѣдь, нужна же какая-либо идея или какое-либо предположеніе (апріорное понятіе абсолютного добра, истины, совершенства, послѣдней цѣли бытія, богъ, абсолютный законъ и т. под.) о томъ, что могло бы служить критеріемъ, на основаніи которого можно решать: прогрессивно явленіе или непрогрессивно *). Но отъ причинъ необходимъ переходъ къ субстанціямъ, потому что, вѣдь, причинами, въ истинномъ и точномъ смыслѣ слова, бываютъ—не предшествующія явленія, какъ хотятъ позитивисты, а субстанціи. Но, хотя субстанціи и состоять подъ самыми строгими запретомъ въ методологіи Конта, однако, на самомъ-то дѣлѣ его философія и соціологии допускаютъ множество субстанцій, которыя въ дѣйствительности суть не что иное, какъ субстанцированныя имъ понятія или представления. Прежде всего субстанціруются „реальные“ явленія, или образы материальныхъ вещей въ пространствѣ. Далѣе принимается въ качествѣ субстанціи понятіе матеріи, дѣлящейся на органическую и неорганическую. Органическая матерія подъ названіемъ организма и мозга есть у Конта причина и носитель всѣхъ жизненныхъ и психическихъ явленій и водворяется на мѣсто души или нашего я и его функций. Но и этого еще мало! Въ соціологии оказывается надобность еще въ особой субстанціи, которая была бы носительницей и причиной соціальныхъ явленій въ ихъ связи и историческомъ развитіи и которая могла бы для новаго позитивнаго человѣчества служить объектомъ религіозныхъ аффектовъ и культа,—вообще замѣнить собою упраздненнаго бога. Для удовлетворенія этой потребности и осуществленія религіозной жизни въ пози-

полагаетъ ли постоянный прогрессъ какихъ-либо свойствъ человѣческой природы, изъ которыхъ и выводится положеніе о постоянномъ прогрессѣ.

*) Такой критерій неизбѣжно ведетъ къ понятію послѣдней цѣли общественного процесса, т. е. такъ или иначе представляемому послѣднему члену этого процесса. Вообще, понятіе прогресса всегда явно или скрытно проникнуто телеологіей. *Честно!!!*

тивномъ обществѣ, Контомъ субстанціруется (конечно, безъ сознанія о томъ) собирательное понятіе человѣчества, служащее центральною идеей позитивной религіи, къ которой я сейчасъ и перейду.

Мнѣ остается еще сдѣлать по поводу соціологіи Конта третье замѣчаніе, а именно объ основномъ ея понятіи: „общественный организмъ“. Хотя попытка построить понятіе общества и его функцій на основаніи заключеній по аналогіи съ животнымъ организмомъ естественна, однако аналогія эта все таки поверхностна, а потому умозаключенія, основанныя на ней, ложны и несостоятельны.*.) Дѣло въ томъ, что еслибы человѣкъ доступенъ былъ для самого себя на подобіе того, какъ ему доступны другія живыя существа, т. е., только въ такъ называемомъ внѣшнемъ чувственномъ опыте, то, конечно, означенная аналогія была бы состоятельна, ибо составъ общества изъ его частей или элементовъ и тѣсная взаимная связь этихъ элементовъ (тканей, органовъ, клѣточекъ и проч.) аналогичны элементамъ и связи между ними въ живомъ тѣлѣ. Но человѣкъ, какъ и другія живыя существа, доступенъ себѣ еще другимъ путемъ, именно, въ такъ называемомъ внутреннемъ опыте (въ сознаніи), въ непосредственномъ интеллектуальномъ созерцаніи самого себя и своихъ мыслей, чувствъ, желаній и ощущеній (собственной субстанціи и ея акциденцій). Вотъ это-то внутреннее существо, хотя и кажется неразрывно связаннымъ съ внѣшнимъ, однако ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть отождествлено съ внѣшнимъ или съ животнымъ тѣломъ, потому что ни само это внутреннее существо, ни акты его дѣятельности не могутъ быть понимаемы какъ находящіеся въ пространствѣ. Они не имѣютъ

*.) Современные аналогіи между индивидуумомъ и обществомъ имѣютъ свой первообразъ еще у Платона, который, не въ частностяхъ, а въ сущности, проводилъ эту аналогію глубокомысленнѣе, чѣмъ современные позитивисты. Платонъ уподоблялъ общество физическому или тѣлесному организму, а душевному, т. е. видѣлъ сходство между различными элементами общества и различными функціями души.

мѣста и не перемѣняютъ его такъ, какъ имѣютъ и перемѣняютъ его всѣ элементы животнаго тѣла. Кромѣ того, хотя внутреннее существо и связано съ внѣшнимъ, тѣмъ не менѣе, значеніе ихъ въ этой связи чрезвычайно различно по важности: внутреннее, говоря фигурально, стоитъ на переднемъ планѣ, внѣшнее—на заднемъ, первое—цѣль, второе—средство. Все, что ни случается во внѣшнемъ существѣ, оцѣнивается внутреннимъ для себя самого и съ точки зрењія своего довольства и недовольства, своего блага и зла; внѣшнее существуетъ только ради внутренняго и подчиняется его закону, его волѣ и цѣлямъ. Вотъ этого-то внутренняго, единящаго всѣ элементы и функции обоихъ, а потому и служащаго представителемъ и внѣшняго — подобно тому, какъ господинъ служить представителемъ раба,—и нѣтъ въ мнимомъ общественномъ организмѣ; поэтому всѣ выводы, сдѣланные по аналогіи животнаго организма съ общественнымъ, по моему, не столько способствуютъ изученію и пониманію общественной жизни, сколько отвлекаютъ отъ другихъ болѣе надежныхъ къ тому путей.

Переходя къ „позитивной религії“, я весьма сожалѣю, что соотвѣтственно общему плану моего обозрѣнія философскихъ направлений, я долженъ ограничиться только очень краткой характеристикой этой стороны системы Конта. *) Если внѣшними историческими условіями для перехода системы Конта изъ предѣловъ философско-научнаго направлениія въ религіозное были: вліяніе семьи въ

*) Религіозная система Конта даетъ поводъ ко многимъ вопросамъ и замѣчаніямъ, входящимъ въ область философіи религіи, какъ, наприм., вопросъ о различіи религій въ зависимости отъ лежащихъ въ основѣ ихъ метафизическихъ понятій, или о скрытомъ состояніи многихъ религіозныхъ теченій подъ именемъ философскихъ, политическихъ и даже политico-экономическихъ воззрѣній, чemu позитивная религія служитъ весьма характернымъ образчикомъ. Если обстоятельства позволяютъ мнѣ помѣстить здѣсь предлагаемую статью о соціалистической философіи, то тамъ мы увидимъ, что многія формы соціализма, включая сюда и сенъ-симонизмъ вообще и контовскій въ частности, суть по своему существу, религіозныя ученія (ср. въ №№ 3 и 4 «Своего Слова», Бесѣды 9-ая и 14-ая)

дѣтствѣ и еще болѣе вліяніе Сенъ-Симона и соціалистическаго кружка, въ которомъ въ молодости началъ онъ свою общественную дѣятельность, то внутреннимъ логическимъ моментомъ, даже и не сознаваемымъ самимъ Контомъ, для этого перехода была у него мощная потребность въ практической общественной дѣятельности на почвѣ твердыхъ нравственныхъ заповѣдей, для которыхъ Энциклопедія шести наукъ не давала прочнаго базиса. И въ самомъ дѣлѣ, если мы сообразимъ, что люди, какъ и все, что можетъ быть предметомъ науки и знанія, по системѣ Канта, тоже суть только факты или явленія, — если далѣе вспомнимъ, что законы соціологии также непреложны, какъ и законы естественныхъ наукъ, то проповѣдывать людямъ, какъ явленіямъ, моральную заповѣдь поступать сообразно предвидѣніямъ общественныхъ явлений, роковымъ образомъ вытекающихъ изъ непреложныхъ законовъ, *) точно также странно и смѣшно, какъ, предвидя какой либо частный случай притяженія другъ къ другу материальныхъ частицъ, проповѣдовывать этимъ частицамъ, чтобы онѣ въ этомъ случаѣ притягивались, повинуясь общему закону тяготѣнія. Какъ ни странна и какъ ни ис-

*) При этомъ нельзя забывать, что должны же быть тоже роковые законы *предвидѣнія* и далѣе законы относительно *выполненія предвидѣнія*. Если какой либо законъ говоритъ, что при однихъ условіяхъ предвидѣніе происходитъ, а при другихъ не происходитъ или что выполненіе предвидѣнія при однихъ условіяхъ совершается предвидящимъ, а при другихъ не совершается, то, конечно, никакими моральными заповѣдями ничего тутъ не подѣлаешь. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ яркимъ фактамъ, что люди, вслѣдствіе своихъ предразсудковъ и ошибокъ въ мышленіи, признающіе въ теоріи, что они не субстанціи, а какая то «совокупность», либо «координація» чего-то, на практикѣ, въ силу никогда не могущаго быть вполнѣ заглушеннымъ голоса непосредственного сознанія своей субстанціальности, все таки и проповѣдуютъ, и даже слѣдуютъ разнымъ моральнымъ заповѣдямъ и, значитъ, сознаютъ, что «мы» имѣемъ въ какихъ либо предѣлахъ отъ насъ зависящую свободу предвидѣть и не предвидѣть, выполнять и не выполнять предвидѣнія и далѣе повиноваться и не повиноваться законамъ явлений, однимъ словомъ, поступать не такъ, какъ слѣдовало бы «явленіямъ и фактамъ», а такъ, какъ можетъ то субстанція, имѣющая въ самой себѣ собственный, только до нея касающейся, ею сознаваемый, ею оправдываемый и понимаемый законъ и свободу дѣйствія.

кустивна была религія Конта, но все таки она, при его религіозной натурѣ, послужила ему самому и нѣкоторымъ его послѣдователямъ для того, чтобы скрыть отъ самихъ себя глубоко противорѣчившую съ религіозными потребностями и религіозными чувствами материалистическую метафизику, въ которую они неизбѣжно впадали и изъ которой невозможно было вывести никакихъ этическихъ заповѣдей, кромѣ фаталистического подчиненія слѣпому случаю.

Центромъ позитивной религіи на мѣсто христіанского бога становится у Конта «человѣчество», потому что не отдѣльный человѣкъ, а оно есть «настоящее реальное Великое Существо (Grand-Etre)», которое начавшись въ невѣдомой дали прошедшаго, обнимаетъ все многоразличіе настоящаго и имѣетъ предъ собой неизмѣримое будущее. Опираясь на законы положительныхъ наукъ, оно въ извѣстномъ намъ мірѣ имѣетъ неограниченную власть надъ всѣми явленіями и можетъ стать единственнымъ принципомъ нашей нравственности и послѣднимъ критеріемъ справедливаго и несправедливаго. Съ признаніемъ этого новаго бога въ системѣ наукъ Конта появляется *седьмая* наука о морали, которая, хотя и не устраниетъ законовъ прежнихъ шести наукъ, но становится выше ихъ, потому что ея законамъ должны подчиняться законы всѣхъ другихъ наукъ, не исключая и соціологии. Для установки законовъ морали и подчиненія имъ законовъ другихъ наукъ Контъ вводить новый методологический принципъ подъ именемъ „субъективнаго синтеза“ въ противоположность объективному синтезу изъ шести наукъ, изложенныхъ въ „Курсѣ положительной философіи“ *). „Субъективный синтезъ“ осуществляется въ

*) «Субъективный синтезъ» появляется во второй половинѣ сочиненій Конта, въ «Системѣ позитивной политики». Въ «Курсѣ» знаніе, исходя *отъ міра*, приходило *къ человѣку* и подчинялось въ своемъ построеніи («объективномъ синтезѣ») разуму. Въ «Системѣ» же знаніе идетъ *отъ человѣка къ міру* и подчиняется въ своемъ построеніи чувству, именно любви къ богу, т. е., человѣчеству. Тамъ критерій знанія — истина, тутъ — польза, благо, счастье людей. Съ этой точки зреянія, та или другая научная истина можетъ быть признана не только бесполезной, но прямо вредной (наприм., если она, внося

субъективномъ методѣ науки о нравственности, которая, подчиняя всяческое мышленіе и дѣйствие чувству могущественнѣйшей изъ функций души человѣческой (т. е. мозга), приводить ихъ къ самому высшему и полному единству.

Основная заповѣдь позитивной морали: „живи для ближняго“, должна замѣнить христіанскую заповѣдь: „люби ближняго, какъ самого себя“. Эта заповѣдь, думаетъ Конть, еще не свободна отъ эгоизма, который до послѣдней юты долженъ быть искорененъ въ человѣкѣ. По новой морали, отдѣльный человѣкъ, который есть нѣчто временное и преходящее, долженъ превратиться въ *простое средство* для благосостоянія общества, человѣчества, продолжающагося вѣчно *). Въ этомъ состоить не только *долгъ*, но даже *единственное право* отдѣльного человѣка. Если мы къ любви, какъ основной силѣ въ осуществлениіи идеала позитивной религіи, прибавимъ еще два условія — *порядокъ*, какъ основаніе моральной жизни, и *прогрессъ*, какъ ея цѣль (*l'amour pour раздоръ въ общество, нарушаетъ порядокъ*); значитъ и обнародованіе ея будетъ уже безнравственнымъ дѣйствиемъ, подлежащимъ осужденію со стороны общественной власти.

*) Я называю религію Конта *идолопоклонствомъ*, потому что главнымъ признакомъ его считаю обоготовленіе субстанціированныхъ понятій и думаю, что поклоненіе божеству въ какомъ-либо чувственномъ образѣ фантазіи есть, хотя и тѣсно связанный съ первымъ, но всетаки вторичный, производный признакъ идолопоклонства даже въ самыхъ грубыхъ его формахъ. Конечно, религія Конта, обоготовляющая субстанціированное собирательное понятіе (человѣчество), принадлежитъ къ болѣе тонкимъ формамъ идолопоклонства. Кстати, такъ какъ субстанціированіе понятій вообще распространено у людей, то, можетъ быть, кто-либо сказалъ бы мнѣ, что хотя Конть, по непослѣдовательности, и противорѣчитъ своимъ основнымъ началамъ, возвращаясь къ теологической стадіи, но что онъ все-таки былъ инстинктивно правъ въ своемъ признаніи человѣчества субстанціей, потому что оно и на самомъ дѣлѣ есть реальное существо, которое такъ же относится къ отдѣльнымъ людямъ, какъ наше я или наша субстанція относится къ клѣточкамъ и частямъ нашего тѣла, и которое точно такъ же не подлежитъ внѣшнему чувственному восприятію, какъ и наша душа, и понимается только интеллектуально. На это я, оставляя въ сторонѣ многія другія возраженія, приведу только то, что съ этой точки зреянія можно признать множество подобныхъ реальныхъ субстанцій, каковы, напр., львовство, тигровство, слонство, овечество (т. е., собирательныхъ, происходящихъ отъ понятій: левъ, тигръ, слонъ, овца), которые будутъ совершенно аналогичны человѣчеству.

principe, l'ordre pour base, le progrès pour but), то и получимъ, такъ сказать, священную формулу для обновленія человѣческаго общества въ духѣ религіи Конта *).

Изложеніемъ формъ, въ которыхъ прилагается въ общественной жизни позитивная религія съ ея заповѣдями, занята вся „Система положительной политики“. Тутъ подробно описанъ общественный и частный культъ позитивнаго бога со всѣми обрядами и церемоніаломъ; тутъ, кромѣ религіозной, изложены также формы гражданской, государственной и даже частной жизни въ позитивномъ обществѣ, въ которыя вошло многое множество заимствованій изъ католического христіанства. Между ними есть и „позитивная троица“ („Великая среда—пространство, Великій фетиш—земная планета, Великое существо—человѣчество“) и своего рода бессмертие души, или бессмертие личности (въ частномъ и публичномъ воспоминаніи потомства). Тутъ есть также общественная и домашняя молитва и девять таинствъ; есть своего рода реликвіи и канонизация или причисленіе къ лицу святыхъ, а также и отлученіе отъ церкви. Есть, наконецъ, и новый календарь, праздники, даже index одобренныхъ позитивнымъ первосвященникомъ сочиненій; есть, наконецъ, и постоянный вселенскій соборъ,—однимъ словомъ—вся католическая форма, но безъ ея основанія—христіанскаго Бога **).

Позитивизмъ Конта послѣ его смерти. Когда,

*) Моральную заповѣдь любви, выработанную субъективнымъ методомъ, Конть подкрепляетъ и путемъ объективнаго метода, а именно опять *анатомическими* основаніями. По улучшенной имъ самимъ френолсъ Галля слѣдуетъ, что преобладаніе сердца надъ умомъ и постоянно увеличивающейся перевѣсъ альтруистическихъ инстинктовъ надъ личными неопровергжимо обеспечивается большимъ числомъ органовъ мозга, отъ которыхъ зависитъ аффективная и симпатическая дѣятельность человѣка, сравнительно съ органами разсудка и личныхъ инстинктовъ. Первыхъ—тринадцать, вторыхъ—пять, да кромѣ того, первые и объемистѣе вторыхъ.

**) Не смотря на указанные мною недостатки соціологіи Конта, я опять долженъ сказать, что нѣкоторыя частныя ея положенія и отдѣльныя мысли, какъ продукты сильнаго ума, поучительны для всякаго, занимающагося философией исторіи; но я пойду еще дальше и скажу, что, не смотря на комиче-

послѣ появленія „Курса положительной философіи“ въ 1842 г., мало-помалу изъ немногихъ французовъ и иностранцевъ, особенно англичанъ, около Конта образовалась школа его приверженцевъ и послѣдователей, то самъ онъ сталъ обнаруживать постоянно усилившуюся склонность превратиться изъ основателя философской доктрины въ основателя новой религіи, новой церкви и главу новаго религіознаго общества. Эти тенденціи возбуждали сомнѣніе въ нѣкоторыхъ приверженцахъ Конта; но когда въ 1851 году появился первый томъ „Системы положительной политики“, гдѣ уже окончательно была провозглашена религія человѣчества, основанная на ней мораль и новый субъективный методъ научнаго построенія, то часть школы Конта, съ извѣстнѣйшимъ изъ ея представителей Эмилемъ Литтре во главѣ, отпала отъ Конта, упрекая своего учителя, что онъ въ позднѣйшій періодъ своей дѣятельности „погрузился въ мракъ мистицизма и возвратился къ теологическому состоянію“.

Эта фракція школы Конта, съ Литтре во главѣ, ничего важнаго и существеннаго къ учению Конта, изложенному въ „Курсѣ“, не прибавила, кромѣ незначительныхъ поправокъ и дополненій, вызванныхъ главнымъ образомъ критикой со стороны. Поправки эти, хотя не много и сглаживали прямолинейный догматизмъ учителя, но не иначе, какъ въ ущербъ оригинальнымъ и специфическимъ особенностямъ его учения. Такъ какъ фракція Литтре, особенно благодаря его ученой извѣстности (хотя и пріобрѣтенной имъ на поприщѣ

скія наивности и весьма прискорбныя нелѣпости и даже пошлости, заключающіяся въ религіознай и политической системѣ Конта, все-таки и въ нихъ очевидны признаки не только большого ума, но и несомнѣнно искренняго и безкорыстнаго желанія общественнаго блага, а также глубокаго убѣжденія, что современному обществу грозитъ *анархія и разложение*, если человѣческіе умы и воли не объединятся посредствомъ сильнаго религіознаго убѣжденія и соответствующими ему общественными учрежденіями. Наконецъ, не смотря на полную нелѣпость религіи Конта, это, какъ мы встрѣчаемъ постоянно въ человѣческой исторіи, нисколько не мѣшало тому, что онъ былъ проникнутъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, которое, съ одной стороны, давало ему самому сильное удовлетвореніе, а съ другой— побуждало его безъ малѣйшаго сомнѣнія и колебанія выполнять заповѣди своей религіи.

не философи, а другихъ наукъ, напримѣръ, филологии), а также и благодаря его высоко-нравственному личному характеру и авторитету, обладала благопріятными условіями для пропаганды, то она и оказывала въ этомъ отношеніи услуги Контовскому позитивизму *). Такъ, съ 1867 года эта фракція, при помощи нашего соотечественника г. Вырубова, основала особый органъ „*Revue positive*“, где пропагандировались и популяризировались философско-научные воззрѣнія Конта. Но такъ какъ специально-философскій позитивизмъ Конта былъ въ логическомъ отношеніи менѣе состоятеленъ, чѣмъ у другихъ его представителей (наприм., во Франціи у Тэна, въ Англіи у Милля, Бэна и проч.), то естественно было ожидать, что позитивистической ручей, въ которомъ плыли Литтрѣ съ товарищами, отчасти изсякнетъ, отчасти же впадетъ въ общій потокъ позитивизма **), что и случилось вскорѣ послѣ смерти Литтрѣ, въ 1881 году. Черезъ два года послѣ нея, за недостаткомъ читателей, закрылось и „Позитивное обозрѣніе“; и позитивизмъ фракціи Литтрѣ совсѣмъ сошелъ со сцены, такъ что о немъ ничего другого не остается сказать какъ: *requiescat in pace*.

Дѣйствительнымъ наслѣдникомъ дѣла Конта осталась фракція такъ называемаго ортодоксальнаго или православнаго позитивизма, которая съ 1852 года оказалась исключительной сотрудницей Конта, какъ въ пропагандѣ и защите позитивной религіи, такъ и въ устройствѣ новой церкви и общества. Говоря объ этой фракціи православнаго позитивизма, я считаю долгомъ сказать, что она была права, слѣдя за Контомъ до конца и обвиняя литтреистовъ въ произволь-

*) Кромѣ важныхъ услугъ, оказанныхъ Литтрѣ своему учителю въ качествѣ энергическаго и талантливаго пропагандиста, Контъ много обязанъ ему и дружескими услугами въ различнаго рода частныхъ житейскихъ отношеніяхъ, такъ что до окончательного разрыва (1852) Контъ считалъ его своимъ главнымъ товарищемъ и другомъ въ общемъ дѣлѣ и будущимъ замѣстителемъ въ качествѣ главы философской школы и даже въ качествѣ главы церкви.

**) Предвидя это, я позволилъ себѣ въ 1881 году пророчествовать близкое наступленіе «естественнѣй смерти» позитивизма фракціи Литтрѣ; это-то пророчество и было однимъ изъ мѣстъ, которыхъ подвергалъ исключенію покойный В. О. Коршъ.

номъ разсъченіи доктрины учителя на-двоє. Я также раздѣляю убѣжденіе правовѣрныхъ учениковъ Конта (лафиттистовъ *)—по имени ихъ настоящаго главы), что *общее направление умственной деятельности Конта и характеръ нравственнаю его настроенія* былъ тождественъ во всѣ періоды его общественной дѣятельности, а именно: и въ первый періодъ, когда онъ принадлежалъ къ кружку С.-Симона, отъ 1820—1826 года, и во второй періодъ, когда онъ началъ дѣйствовать самостоятельно и высказался въ „Курсѣ“, отъ 1827—1845 года, и, наконецъ, въ послѣднемъ періодѣ—„Системы положительной политики“, отъ 1845 г. до смерти. Уже въ сочиненіяхъ первого періода, съ одной стороны, были ясно высказаны Контомъ многіе принципы и идеи, которые потомъ были повторены и въ „Курсѣ“ **), а съ другой—были уже намѣчены вопросы, которые въ „Курсѣ“ не

) Такъ какъ Контъ, не находя послѣ Литтрѣ никого изъ своихъ учениковъ достойнымъ сана первосвященника не указалъ передъ смертью на своего преемника, какъ бы то слѣдовало по канону, то Пьеръ Лафиттъ былъ выбранъ всѣми остальными правовѣрными учениками Конта директоромъ позитивнаго общества («notre directeur en France»*, по ихъ выраженію). Но если не *de jure*, то *de facto* Лафиттъ есть дѣйствительный глава позитивной церкви, своими способностями и своей неусыпной заботливостью объ ея процвѣтаніи вполнѣ оправдывающій довѣріе своихъ единовѣрцевъ. Поддерживая постоянныя сношенія съ новыми позитивно-религіозными кружками, образующимися въ другихъ, кромѣ Парижа, городахъ Франціи, а также и за-границей, онъ, кромѣ того, талантливо ведетъ пропаганду религіознаго ученія Конта, почти ежегодно читая безплатныя публичныя лекціи по разнымъ предметамъ, входящимъ въ составъ системы, особенно же по соціальнѣй динамикѣ или по исторіи цивилизаціи, съ точки зрѣнія теоріи трехъ фазисовъ, и вообще пользуется болѣшимъ уваженіемъ у церковныхъ позитивистовъ не только во Франціи, но и за-границею. При этомъ нужно замѣтить, что онъ значительно смягчилъ мелочную и строгую формалистику, введенную въ общественно-религіозный обиходъ самимъ Контомъ. Съ 1878 года Лафиттъ, по завѣщанію Конта, учредилъ свой собственный органъ *«Revue Occidentale»*. Въ этомъ органѣ, кромѣ сочиненій и лекцій Лафитта и другихъ членовъ церкви, обнародываются также соборныя посланія или циркуляры, отчеты и факты о состояніи позитивистического общества, ведется борьба съ другими формами позитивизма и особенно съ материализмомъ, хотя и самъ Лафиттъ все-таки наивно впадаетъ въ него, удерживая, напримѣръ, френологическое ученіе Конта.

**). Напримѣръ: теорія трехъ фазисовъ, раздѣленія властей, установка духовной власти ученыхъ и проч.

получили разрѣшенія, а разрѣшены только въ „Системѣ“ *). Далѣе, какъ въ цѣломъ „Курсѣ“, такъ особенно въ послѣдніхъ томахъ его, разбросаны мѣстами многія положенія и замѣчанія, служащія какъ бы *прелюдіями* къ принципамъ, развитымъ въ „Системѣ“ **).

Что касается до нравственнаго настроенія Конта, то че-резъ всѣ событія его жизни проходитъ *красною нитью католическая основа въ немъ* (не католичества, какъ христіанской вѣры, а какъ церкви). Начало этой нити составляетъ любовь и почтеніе къ его матери, строгой католичкѣ. Продолженіе этой нити представляютъ: тѣсная связь Конта съ сенѣ-симонизмомъ, который также по духу сродственъ съ католицизмомъ, какъ церковью; близкія отношенія Конта къ знаменитому аббату Ламенэ, по настоянію котораго Конть перемѣнилъ свой прежде гражданскій бракъ съ женою на церковный въ 1827 году, когда Ламенэ былъ еще ярымъ ультрамонтаномъ; вообще, чрезмѣрно высокая оцѣнка католической церкви въ историческомъ развитіи человѣчества; торжественное признаніе вліянія на него знаменитаго де-Местра, который былъ однимъ изъ столповъ церковно-католического духа.

Всѣ сейчасъ изложенные соображенія заставляютъ меня отрицать объясненіе перехода Конта изъ quasi-научнаго въ теологическое состояніе частнымъ болѣзненнымъ поврежденіемъ функций мозга, какъ то допускали отдѣлившіеся

*) Напримѣръ: вопросы о строеніи новаго общества и реорганизації старого, о силѣ, посредствомъ которой должна быть осуществлена реорганизація, о способѣ измѣненія положенія ученыхъ, объ установкѣ духовной власти и отношеніи ея къ свѣтской, о системѣ нравственности, которую должна выработать духовная власть и о способѣ контроля надъ ея проведеніемъ въ жизнь общественную.

**) Напримѣръ, въ VI т. «*Préface personnelle*» есть прелюдія къ принципу содерянія духовной власти на счетъ общества; или же положеніе о логическомъ превосходствѣ соціологической точки зреінія надъ математической есть прелюдія къ положенію о подготовительной функціи логики математической по отношенію къ логикѣ религіозной; или выходка противъ «гордаго уединенія мыслящаго класса отъ дѣятельной толпы» есть прелюдія къ принципу контроля высшей духовной власти надъ теоретическою дѣятельностью ученыхъ.

отъ него ученики, или же истощенiemъ силъ (пресловутымъ въ наше время переутомленiemъ), или же вліяніемъ страсти къ Клотильдѣ де-Во *). Единственнымъ внѣшнимъ условиемъ, которое особенно возбуждало Конта къ страстной и безповоротной дѣятельности въ радикальной реорганизаціи общества, была французская революція 1848 года, которая давала надежду всѣмъ вожакамъ соціализма, и въ числѣ ихъ Конту, на возможность широкаго и полноправнаго участія въ общественно-политической жизни рабочихъ классовъ, на сочувствие и поддержку которыхъ въ пользу новой религіи и новаго общественнаго строя Конть и его приверженцы возлагали и до сихъ поръ возлагаютъ большія надежды **).

Статью свою я закончу краткою общею оцѣнкою, вполнѣ относительною и сравнительною, ученія Конта. Если видѣть центръ тяжести системы Конта въ „Курсѣ“, то тогда нужно оцѣнивать его систему, какъ одинъ изъ видовъ позитиви-

*) Имѣя въ виду книгу Грубера, я скажу, что невижу ничего неестественного и странного, что 47-лѣтній Конть, давно неудовлетворенный своимъ бракомъ съ женщиной, хотя и весьма умной, но довольно вульгарной, какою была жена Конта, могъ увлечься страстью, впрочемъ, несомнѣнно платоническою, къ молодой, симпатичной женщинѣ, окруженной поэтическимъ ореоломъ великаго незаслуженнаго несчастья (Клотильда де-Во была связана неразрывнымъ, по французскимъ законамъ, бракомъ съ человѣкомъ, осужденнымъ, по уголовному преступленію, на каторжныя работы). Если въ чемъ и отразились на Конть весьма кратковременные отношенія къ Клотильдѣ, которая преждевременно умерла въ 1846 году, то это, пожалуй, въ усиленной сентиментальности, которая отчасти сказывалась въ домашней жизни и даже въ его первосвященнической дѣятельности.

**) Кстати, въ настоящее время религіозныхъ послѣдователей Конта насчитывается 4 большихъ группы, состоящихъ изъ сотенъ и даже тысячъ членовъ. Первая и самая важная группа—французская, во главѣ которой стоитъ Пьеръ Лафиттъ, пользующійся большимъ авторитетомъ и въ иностранныхъ группахъ; вторая группа—англійская, во главѣ которой стоитъ въ настоящее время Гаррисонъ; третья—весьма обширная группа--американская, въ Бразиліи и Чили, во главѣ которой стоятъ Лемосъ и Лагарригъ, 4-я группа—шведская, во главѣ которой стоитъ Нистромъ. Во всѣхъ этихъ группахъ, кромѣ образованныхъ членовъ, находится большое количество простыхъ рабочихъ, при чемъ образованные относятся по-братьски къ простымъ членамъ и особенно дѣятельно работаютъ надъ образованіемъ ихъ. Кромѣ того, есть маленькие кружки и во всѣхъ другихъ государствахъ Европы и Америки.

стической философії, сравнительно съ другими видами. Въ этомъ отношеніи позитивизмъ Конта долженъ быть поставленъ ниже разныхъ другихъ формъ позитивизма (во Франціи, наприм., Тэна, Фулье, Гюйо, Тарда и т. под. *), кото-
рыя несомнѣнно лучше обставлены съ точки зрењня логики и не страдаютъ тѣмъ грубымъ догматизмомъ и материализ-
момъ, который мы видѣли у Конта. Но за Контомъ то пре-
имущество, что его прямолинейность слишкомъ ярко обнару-
живаетъ несостоятельность философскаго позитивизма вообще и тѣмъ оказываетъ философіи, хотя и отрицательную, но все-
таки услугу **). Если же видѣть центръ тяжести ученія Конта въ „Системѣ положительной политики“, то тогда мы должны включить его въ потокъ соціалистической филосо-
фії, которая принадлежитъ не къ чисто философскому типу, а скорѣе къ религіозному. Но, видя въ ученіи Конта одинъ изъ видовъ соціализма, и думая о неизбѣжномъ столкнове-
ніи его съ настоящимъ общественнымъ строемъ, мы должны справедливо признать преимущество системы Конта передъ другими соціалистическими системами. Она несомнѣнно от-
личается отъ этихъ другихъ своею меньшою утопичностю и большою умѣренностью. Послѣдователи Конта, даже и изъ рабочихъ классовъ, въ силу своего значительного научнаго образованія, гораздо серьезнѣе и благороднѣе относятся къ соціальному вопросу и, въ силу своихъ религіозныхъ убѣждений, уважая общественный порядокъ, конечно, не дадутъ воли революціоннымъ страстиамъ въ себѣ, а также будутъ смягчающимъ образомъ дѣйствовать и на другихъ, въ слу-
чаѣ столкновенія рабочаго пролетаріата съ господствующею теперь въ западно-европейскомъ мірѣ буржуазіею.

А. Козловъ.

*) Предполагая помѣстить въ этомъ же журналѣ статью о французскомъ позитивизме вообще, я укажу на названныхъ философовъ, какъ на образчики.

**) У Тэна же, наприм., или у Фулье, съ ихъ тонкостью и приглажденностью никакъ не замѣтишь, что стремишься къ ничто, которое составляетъ предѣлъ всякаго позитивизма, въ сущности, вмѣстѣ съ субстанціями, отрицаю-
щаго и бытіе.